

Содержание:

Image not found or type unknown

Введение

Андре́й Януа́рьевич Выши́нский (польск. *Andrzej Wyszyński*; 10 декабря 1883, Одесса — 22 ноября 1954, Нью-Йорк) — советский государственный деятель.

Член РКП(б) с 1920 года, член ЦК ВКП(б) (с 1939 года), кандидат в члены Президиума ЦК КПСС (1952—1953). Член ЦИК СССР 7 созыва, депутат Верховного Совета СССР 1—2, 4 созывов.

Академик АН СССР (1939)[1]. Доктор юридических наук (1936)[2]. В 1925—1928 годах ректор Московского государственного университета

Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза (14.6.1943).

1. Биография

Отец, выходец из старинного польского шляхетского рода Януарий Феликсович Вышинский, был провизором; мать — учительницей музыки. Вскоре после рождения сына семья переехала в Баку, где Андрей Вышинский окончил гимназию.

В 1901 году поступил на юридический факультет Киевского университета, но окончил его только в 1913 году (так как исключался за участие в студенческих беспорядках), был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию, но отстранен администрацией как политически неблагонадежный. В 1903 году вступил в меньшевистскую организацию РСДРП. Участвовал в революции 1905 года в Баку. В начале 1908 года был осуждён Тифлисской судебной палатой за «произнесение публично противоправительственной речи». Отбыл год лишения свободы в Баилловской тюрьме, где близко познакомился со Сталиным [3]. По окончании учёбы преподавал в Баку в частной гимназии, занимался адвокатской практикой.

Сразу после окончания вуза уехал в Баку, где до 1915 г. в частной гимназии преподавал русскую литературу, географию и латынь, а также занимался адвокатской практикой.

После февральской революции 1917 года был назначен комиссаром милиции Якиманского района, тогда же подписал «распоряжение о неукоснительном выполнении на вверенной ему территории приказа Временного правительства о розыске, аресте и предании суду, как немецкого шпиона, Ленина» [4][5].

В 1920—1921 годах преподаватель Московского университета и декан экономического факультета Института народного хозяйства имени Плеханова. В 1923—1925 годах прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР и одновременно профессором I МГУ по кафедре уголовного процесса. В 1925—1928 годах ректор Московского государственного университета (тогда — I-й Московский государственный университет).

В 1928 председатель специального присутствия Верховного Суда СССР шахтинскому делу.

В 1928—1930 годах возглавлял Главное управление профессионального образования (Главпрофобр). В 1928—1931 гг. член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. Заведовал учебно-методическим сектором Наркомпроса и замещал председателя Государственного учёного совета.

в 1930 председатель специального присутствия Верховного Суда СССР по делу «Промпартии».

1.1. 1931—1939 годы

С 11.05.1931 прокурор РСФСР, с 21.05.1931 также заместитель наркома юстиции РСФСР.

С июня 1933 года заместитель, а с марта 1935 года по май 1939 года прокурор СССР. Потребовал пересмотра решения о высылке из Ленинграда, состоявшейся после убийства Кирова, бывших дворян, сенаторов, генералов, интеллигенции, лишённых политических и гражданских прав. Большинство вернулись в Ленинград, их восстановили в правах. Добился отмены судебных приговоров по закону от 7 августа 1932 г. (так называемый закон «о трёх колосках»).[6] Выступал как государственный обвинитель на всех трёх Московских процессах 1936—1938 годов.

Настоял на пересмотре дел инженеров и техников угольной промышленности проходивших по Делу Промпартии, их реабилитации[6].

Распространённая легенда, согласно которой Вышинский утверждал, что признание обвиняемого[7] является лучшим доказательством,— действительности не соответствует. В своей главной работе он декларировал обратный принцип:

С другой стороны, было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого как обычные участники процесса. В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств»(regina probationum). К этому в корне ошибочному принципу средневекового процессуального права либеральные профессора буржуазного права ввели существенное ограничение: «царицей доказательств» собственное признание обвиняемого становится в том случае, когда оно получено правильно, добровольно и является вполне согласным с другими установленными по делу обстоятельствами. Но если другие обстоятельства, установленные по делу, доказывают виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним. Его значение в таком случае может свестись лишь к тому, чтобы явиться основанием для оценки тех или других нравственных качеств подсудимого, для понижения или усиления наказания, определяемого судом. (Вышинский А.Я. — Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР,1941г. Стр.177)

Поэтому обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник этой истины. Нельзя поэтому признать правильными такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно «признательные» объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и —еще хуже — единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них. Несомненно, следствие может только выиграть, если ему удастся свести объяснения

обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства, устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на положение и устойчивость основных установленных следствием фактов и обстоятельств. Это положение, как нам кажется, является одним из важнейших методологических правил, строгое применение которого чрезвычайно облегчает задачи следствия, ускоряет развитие следственных действий и гарантирует следствию значительно больший успех, чем это может быть при отказе от руководства этим правилом. (Вышинский А.Я. — Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941 г. Стр. 180)

Однако, будучи официальным обвинителем на сталинских политических процессах 1930-х годов, Вышинский считал принцип «сведения объяснений обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства» неприменимым к обвиняемым по, так называемым, «делам о государственном заговоре», по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1927 г., по следующим причинам:

Однако не следует это правило понимать абстрактно, отвлекаясь от конкретных особенностей того или другого уголовного дела, особенно же такого, в котором участвует несколько обвиняемых, связанных к тому же друг с другом в качестве сообщников. В таких делах вопрос об отношении к объяснениям обвиняемых, в частности к таким их объяснениям, которыми они изобличают своих сообщников, соучастников общего преступления, должен решаться с учётом всего своеобразия таких дел — дел о заговорах, о преступных сообществах, в частности, дел об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах. В таких процессах также обязательна возможно более тщательная проверка всех обстоятельств дела, — проверка, контролирующая самые объяснения обвиняемых. Но объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств. Это объясняется самими особенностями этих обстоятельств, особенностями их юридической природы. Какие требования в делах о заговорах следует предъявить к доказательствам вообще, к объяснениям обвиняемых как доказательству в частности? В процессе по делу антисоветского троцкистского центра обвинитель говорил: «Нельзя требовать, чтобы в делах о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у

нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик.,,». И дальше: «Мы имеем в виду далее показания обвиняемых, которые и сами по себе представляют громаднейшее доказательственное значение. В процессе, когда одним из доказательств являлись показания самих обвиняемых, мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только объяснения обвиняемых; всеми возможными и доступными нам средствами мы проверяли эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью». Таким образом, в делах о заговорах и других подобных делах вопрос об отношении к показаниям обвиняемого должен быть поставлен с особой осторожностью как в смысле их признания в качестве доказательства, так и в смысле отрицания за ними этого качества. При всей осторожности постановки этого вопроса нельзя не признать в такого рода делах самостоятельного значения этого вида доказательств. (Вышинский А.Я. — Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941г. Стр.180-181)

До нас дошли документы, которые свидетельствуют о том, что не все руководящие работники страны оправдывали деятельность органов внесудебной юстиции. А. Я. Вышинский, которого принято считать одним из активных виновников репрессий середины 30-х годов, 4 февраля 1936 года направил личное письмо председателю Совнаркома В. М. Молотову, в котором обращал внимание на неправомерность и нецелесообразность действий Особого совещания, год спустя, выступая на Февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), он резко критиковал действия органов НКВД, возглавлявшегося Г. Ягодой, по расследованию политических дел. Вышинский отмечал незаконные методы принуждения к признанию обвиняемых и невозможность вынесения материалов такого следствия в суды. Основным недостатком в работе следственных органов НКВД и органов прокуратуры Вышинский считал «тенденции построить следствие на собственном признании обвиняемого. Наши следователи очень мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем центр тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину» (См.: Материалы Февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 11). Правда, ни письмо А. Я. Вышинского В. М. Молотову, ни его выступление на Пленуме, судя по репликам из зала, поддержанное членами Пленума ЦК, не имели практического результата. (Цит. по кн.: Чистяков О. И.

Конституция СССР 1924 года. Учебное пособие. М., 2004. Гл. 4)

Был ярчайшим оратором-полемистом.

Вся наша страна, от малого до старого, ждёт и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!...Пройдёт время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождём и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед к коммунизму!

Переводчик В. М. Бережков в своей книге писал:

Вышинский был известен своей грубостью с подчинёнными, способностью наводить страх на окружающих. Но перед высшим начальством держался подобострастно, угодливо. Даже в приёмную наркома он входил как воплощение скромности. Видимо, из-за своего меньшевистского прошлого Вышинский особенно боялся Берии и Деканозова, последний даже при людях называл его не иначе как «этот меньшевик»... Тем больший страх испытывал Вышинский в присутствии Сталина и Молотова. Когда те его вызывали, он входил к ним пригнувшись, как-то бочком, с заискивающей ухмылкой, топорщившей его рыжеватые усики.[8]

В 1937—1941 годах директор Института права АН СССР, ответственный редактор журнала «Советское государство и право».

1.2. С 1940 года

В июне-августе 1940 г. уполномоченный ЦК ВКП(б) по Латвии. С 06.09.1940 по 1946 г. первый заместитель наркома иностранных дел СССР. Во время эвакуации НКВД в Куйбышев возглавлял его работу. В 1945 году присутствовал при капитуляции Германии. С марта 1946 года заместитель министра по общим вопросам[9]. В 1949—1953 годах, в разгар начального этапа холодной войны и во время войны в Корее — министр иностранных дел СССР. В 1952—1953 годах член Постоянной комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС [9]. После смерти Сталина министром иностранных дел вновь стал В. М. Молотов, а Вышинский был назначен

представителем СССР в ООН.

Скоропостижно скончался от сердечного приступа [10][11], был кремирован, прах помещён в урне в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве.

«Андрей Януарьевич отдавал все свои силы, большие знания и талант делу укрепления Советского государства, неумолимо отстаивал интересы Советского Союза на международной арене, с большевистской страстностью борясь за дело коммунизма, за укрепление международного мира и всеобщую безопасность. Он был награждён шестью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени. От нас ушёл один из виднейших деятелей Советского государства, талантливый советский дипломат и крупный учёный. Он был верным сыном Коммунистической партии, самоотверженным в работе, исключительно скромным и требовательным к себе» («Известия», 24.11.1954).

2. Семья

Был женат (с 1903 г.) на Капитолине Исидоровне Михайловой (1884—1973), дочь Зинаида (1909—1991). Зинаида окончила Московский государственный университет, кандидат юридических наук.

3. Интересные факты

Вышинского считал своим образцом Роланд Фрейслер, председатель Народной судебной палаты в гитлеровской Германии.[12]

4. Труды

Очерки по истории коммунизма: Крат. курс лекций. М.: Главполитпросвет, 1924.

Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934 г.

Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Государственное устройство СССР. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юр. изд-во НКЮ Союза ССР, 1938.

Судебные речи. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.

Конституционные принципы Советского государства: Доклад, прочитанный на общем собрании Отделения экономики и права АН СССР 3 ноября 1939 г. М.: ОГИЗ, 1940.

Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юр. изд-во НКЮ РСФСР, 1941. (За эту работу получил Сталинскую премию.)

Ленин и Сталин — великие организаторы Советского государства. М.: ОГИЗ, 1945.

The Law of the Soviet state / Andrei Y. Vyshinsky, gen. ed.; Transl. from the Russ. by Hugh W. Babb; Introd. by John N. Hazard. New York: Macmillan, 1948.

Вопросы международного права и международной политики. М.: Госюриздат, 1949.

О некоторых вопросах теории государства и права. 2-е изд. 1949 г.

Избирательный закон СССР (в вопросах и ответах). М.: Воениздат, 1950.

5. Награды

Награждён шестью орденами Ленина (1937, 1953) и орденом Трудового Красного Знамени (1933). медалью «За оборону Москвы» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Заключение

1. По Отделению общественных наук (право), минуя степень члена-корреспондента.

2. Доктор государственных и общественных наук с 1935 года.

3. Существует версия, что знакомство Вышинского со Сталиным состоялось раньше, в 1902 году на Батумском процессе: «в 1902 году девятнадцатилетний А. Я. Вышинский участвовал в защите двадцатидвухлетнего И. В. Сталина на знаменитом Батумском процессе» [1].

4. Необходимое пояснение: распоряжение об аресте Ленина дал министр юстиции П. Н. Малянтович, который сам же предупредил Ленина о возможности ареста, Вышинский же просто выполнял указания своего руководства.
5. Канд. ист. наук Владимир В. Соколов в статье о А. Я. Вышинском в журнале «Дипломатический вестник» за июль 2002 года (см. раздел ссылок).
6. Беседа с историком Юрием Жуковым.— Комсомольская Правда 5, 6, 12, 13, 14, 16, 19, 20, 21 ноября[2].
7. В римском праве «царицей доказательств» (Regina probationum) называли признание вины самим подсудимым, которое делает излишними все иные доказательства, улики и дальнейшие следственные действия.
8. СМ СССР назначил академика Вышинского заместителем министра иностранных дел СССР (по общим вопросам) [3].
9. Интересно, что на офсайте Генеральной прокуратуры РФ утверждается, что он покончил с собой [4]. Также см. [5], мнение А. И. Ваксберга [6], свидетельство Л. М. Замятина [7], об отравлении см. [8].
10. генеральный прокурор Вышинский
11. **У. Ширер** «Взлёт и падение Третьего рейха» «Он специально изучал приёмы Андрея Вышинского, главного прокурора на московских процессах тридцатых годов, когда старые большевики и большинство высших генералов были признаны виновными в измене и уничтожены. „Фрейслер — это наш Вышинский“, — воскликнул Гитлер на упомянутом выше совещании.»

Источник

ru.wikipedia.org/wiki/Вышинский,_Андрей_Януарьевич